

Александр **МЕНЬ**

Мировая духовная культура

✧ лекции ✧

Александр Мень

Мировая духовная культура

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

2016

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Мировая духовная культура / А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Менья», 2016

ISBN 978-5-903612-30-7

В мировом религиозном спектре можно усмотреть и некое существенное единство. Оно определяется самой природой религии, которая опирается на живой опыт веры. Вера же есть, прежде всего, состояние духа, рожденное переживанием реальности Высшего. В ней пробуждается особого рода интуитивное знание, совершается нечто подобное встрече, звучит таинственный призыв. Человек отвечает на этот призыв: религиозные учения с их метафизикой и с их этикой и являются такими ответами. В них не только осмысляется мистическое видение веры, но и делается попытка установить «обратную связь» с той сокровенной Сущностью, которая коснулась человека своим веянием. Книга включает в себя лекции, прочитанные прот. Александром Менем в 1989–1990 г. Текст подготовлен по магнитофонным записям.

УДК 2

ББК 86

ISBN 978-5-903612-30-7

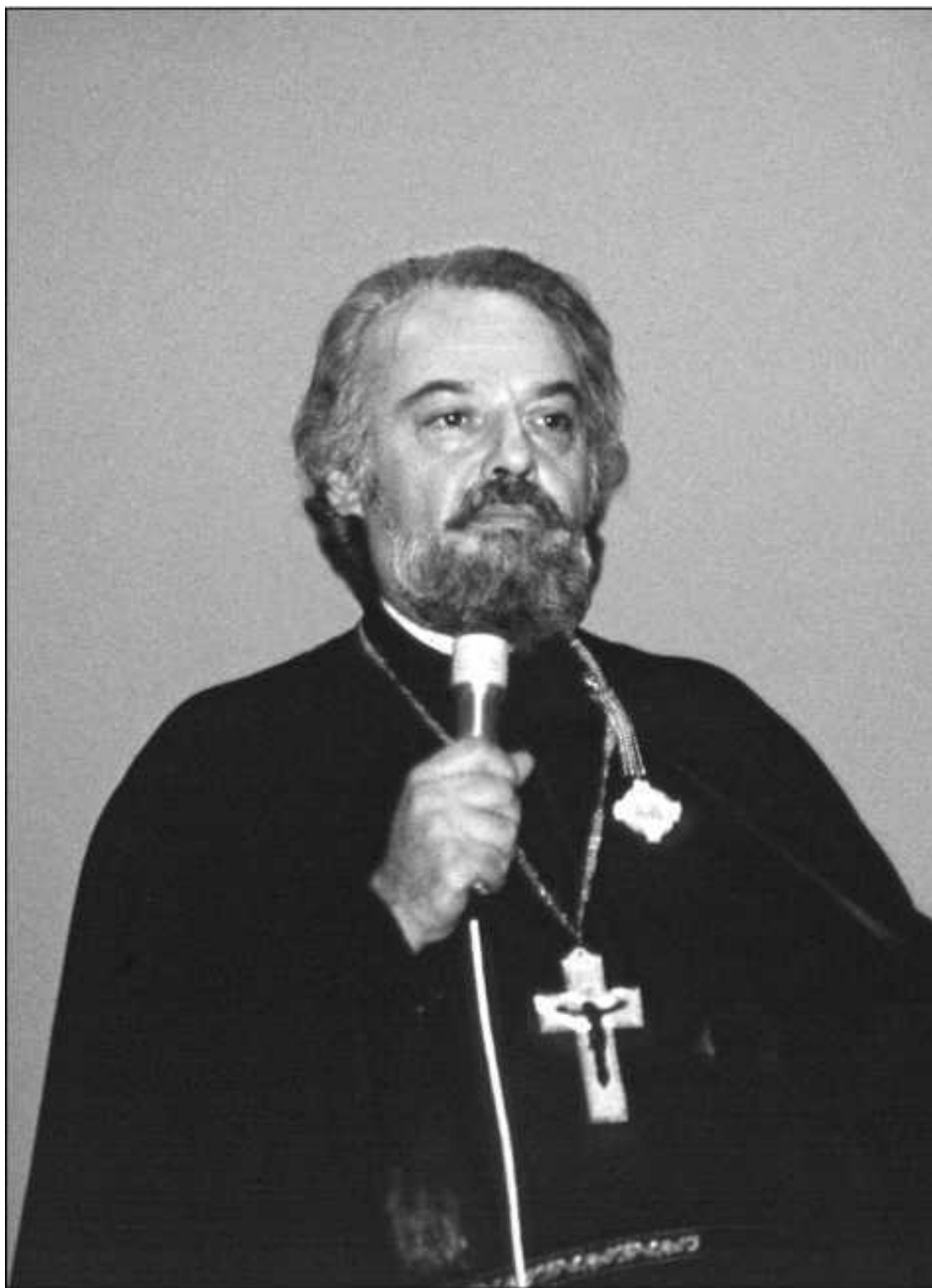
© Мень А., 2016

© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья, 2016

Содержание

Истоки мировой духовной культуры	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Протоиерей Александр Мень Мировая духовная культура

Выступление протоиерея Александра Менья 19.11.1988 Лекция

Редакционная коллегия:

Роза Адамян, Наталия Вторушина Наталия Григоренко, Павел Мень

Истоки мировой духовной культуры

Несколько лет назад мне пришлось путешествовать по Средней Азии и перебираться на пароме через Амударью. Паром шел медленно. Голые, поросшие редким кустарником плоские берега, зеленая темная вода. Пока двигался паром, я думал о том, что подобным этой реке был древний Евфрат и вообще все древние реки, на берегах которых начинались цивилизации. И тогда же я вспомнил, что недалеко от этого места, от Амударьи, немного дальше к востоку, произошло интересное событие, связанное с духовными истоками человеческого рода.

Еще до войны, когда многие из вас еще не родились, а я был ребенком, там, в Средней Азии, по ущельям двигалась небольшая экспедиция, которой руководил известный археолог Алексей Окладников. Она направлялась в труднодоступное ущелье, расположенное между двумя великими реками. Уже давно ходили слухи, что в этом ущелье люди находили удивительные кости, там встречались странные камни, будто бы оббитые чьей-то рукой. И Окладников, обладавший чутьем бывалого полевого археолога, организовал туда летом 1938 г. небольшую экспедицию. Археологи лезли по скалам там, где могли пробираться только горные козлы, и в конце концов добрались до пещеры. Это место называлось Тешик-Таш, по-русски просто «пещера». И когда Окладников со своими помощниками туда добрался, он нашел на почти ровном полу останки человека. Он сразу понял, что это ребенок, в крайнем случае, подросток. Особенно заинтересовало археолога, что сохранился почти весь череп. Окладников собрал и склеил в единое целое сто пятьдесят кусков окаменелого черепа: череп сохранился почти целиком.

Это был череп мальчика совершенно иной расы, нежели человек разумный, *homo sapiens*. И когда очередь дошла до челюсти и надбровных дуг, Окладников определил его как неандертальца, *homo neanderthalensis*, или *homo primigenius*, как иногда его называют. В системе биологической номенклатуры он считался *homo* только по своему роду; его считали предшественником, а некоторые – предком человека.

Вопрос о том, в какой степени родства мы находимся по отношению к неандертальцам, до сих пор бурно дебатруется. Эти люди, или человекообразные существа, жили на огромном пространстве от Северной Европы до восточных берегов Китая, от Африки до Средней Азии. Примерно 40 тысяч лет назад они повсеместно исчезают, их кости больше не встречаются; на смену им приходим мы, род *homo sapiens*, человек разумный. И когда Окладников разбирал, а потом собирал этот скелет, он увидел, что ребенок был похоронен, а не просто брошен; мало того, этот ребенок восьми-девяти лет в своей импровизированной могилке был огражден рогами дикого горного козла. А, между прочим, в Средней Азии, в тех местах и до наших дней, до XX в., сохранился культ горного козла. Окладников сопоставил эту находку с другими, имевшими место в Западной Европе. Несколько раз обнаруживали черепа примитивных людей типа неандертальцев, окруженные камнями одинаковой формы и размера: голова лежала, как солнце, окруженное лучами. Эти скудные, но, на самом деле, впечатляющие признаки указывают на то, что еще до того как человек стал полноценным, стал человеком в полном смысле этого слова, тем единственным видом, который живет сейчас на земле, в нем уже теплились какие-то религиозные представления.

Южноскандинавские наскальные культовые изображения эпохи бронзы

Ученые спорят о том, в какой степени можно относить неандертальца к человеческим существам, но едва ли кто-нибудь из них может доказать свою точку зрения и обосновать ее, потому что мы не можем проникнуть в сознание этого человека, или человеческого существа, или недочеловеческого существа. Все-таки это, скорее всего, другой вид, несомненно низший. В его культуре мы уже находим примитивные каменные орудия, огонь, который поддерживался довольно долго, но не находим искусства, которое является важнейшим спутником всей человеческой истории. А искусство древних людей всегда было связано с духовным, религиозным началом.

Очень многое в современном человеческом обществе теснейшим образом связано с началами человеческого бытия в истории. Проблемы социальные, семейные, сексуальные, культурные, художественные, традиционные, проблемы, связанные с владением территорией, с ксенофобией, – все это уходит своими корнями в жизнь древнего человека, обитавшего на земле за несколько десятков тысяч лет до нас. В нашем подсознании до сих пор живут какие-то мотивы, какие-то звуки, какое-то эхо, отзывающееся из тех времен. Но человек XIX века, гордый, я бы сказал, упоенный своей цивилизацией, считал, что мир развивался только прямолинейно, что первобытный человек был человеком низшим во всех отношениях, был человеком диким.

Подобную мысль мы впервые встречаем у римского поэта Лукреция Кара, который рассматривал историю человечества как восхождение вверх: от темноты, варварства, невежества и дикости к цивилизации. Правда, Лукреций Кар считал, что потом все развалится и деградирует, но это уже другой вопрос. В XIX в. думали, что никакой деградации не будет. Позаимствовав из христианства идею Царства Божия как цели человеческого бытия, как цели истории, многие мыслители XIX в. и вообще образованные слои общества почему-то уверовали в то, что мир летит ввысь, подобно ракете, и ничто не может остановить его прогрессивного движения. Слово «прогресс» стало чем-то вроде священного термина. Когда говорили «прогрессивный», это автоматически означало «хороший». И казалось, что каждое завоевание человека, каждый шаг его на пути усложнения техники или новых открытий в сфере науки содействуют прогрессу, а позади только мрак, мрак темного Средневековья. Конечно, был небольшой просвет – в античности, а потом мрак Востока и, наконец, долгий мрак первобытной жизни.

Эту мысль надо было, конечно, чем-то подтвердить, и подтверждения стали искать со времен великих географических открытий, когда европейцы впервые двинулись через океан, когда они открыли Америку, когда они впервые по-настоящему познакомились с чернокожими обитателями Африки, жителями Китая и вообще неведомых дотоле стран. Но тогда же, столкнувшись с людьми, стоящими на низшей стадии материальной цивилизации, многие решили, что это и есть тот самый дикий, древний первобытный человек, и были уверены, что эти новооткрытые люди – существа, мало чем отличающиеся от животных.

В конце XIX в. последователь Дарвина эволюционист Эрнст Геккель говорил, что у дикарей больше общего с высокоразвитыми животными, такими, как обезьяны и собаки, чем с развитым европейским человеком. Когда Дарвин в молодости попал на Огненную Землю, он так

описывал огнеземельцев: дикие люди, глаза вылезают из орбит, на лице тупое выражение, на губах пена, – нет ничего человеческого. И это мнение очень быстро укоренилось и в науке вообще, и, в частности, в зарождавшейся тогда антропологии. Возникла мысль, что у человека все светлое только впереди и чем скорее он освободится от того, что было в прошлом, тем для него лучше. А поскольку все хорошо знали, что у первобытных людей есть какая-то религия, вера, то эту веру торопились принизить, изобразить как просто грубое суеверие, как некое варварство; в общем, хотели показать, что начала религии коренятся во тьме невежества, в страхе человека перед силами природы, в бессилии, ограниченности, иными словами – в чем-то таком, что прогресс может и должен преодолеть.

Такова была идеология XVIII и XIX веков. Наверное, многие из вас слышали имена знаменитых в свое время (около 100 лет назад) ученых, таких, как Эдуард Тейлор (он был одним из крупнейших специалистов по мифологии и первобытным религиям) и Джеймс Джордж Фрэзер, книги которого, например, «Золотая ветвь», недавно у нас переизданы. Не общаясь с людьми первобытного уровня, с так называемыми дикарями, получая материалы из третьих рук, они создавали свои конструкции о дикости, темноте, наивности и примитивности человека, стоящего на низком материальном уровне развития цивилизации. Но потом многие из западных ученых вынуждены были отказаться от такого взгляда. Миклухо-Маклай был одним из первых, кто, пусть и ненадолго, вошел в мир этих людей. И что ему открылось? Что это такие же люди, с такими же переживаниями, страстями, грехами, ошибками, с умением думать логически, ясно. Миклухо-Маклай писал: «В их верования, в их душевную жизнь я старался не проникать». Он был человеком очень тактичным; и вообще он считал, что столь малого времени, какое он прожил на гвинейском побережье, недостаточно, чтобы понять душу первобытного человека.

Южноскандинавские наскальные культовые изображения эпохи бронзы

Но за Миклухо-Маклаем и другими пионерами-исследователями шли целые армии новых исследователей таинственных обитателей лесов, саванн и прерий. Что же им открылось? Оказалось, что в джунглях Амазонки или в полупустынях Австралии живут люди высокой древней культуры. Она иная, не похожая на нашу. Австралийцы, например, обладают сложной системой взаимоотношений, обрядов; у них огромное количество легенд, сказаний, мифов. Австралийцы определенным образом представляют себе человека, природу и высшее Начало и на основании этих представлений строят общественные отношения, культуру. Стало выясняться, что примитивный человек примитивен только в одном – в технике, цивилизации, а душевно он отнюдь не примитивен.

Один из исследователей говорил: если вы видите так называемого дикаря, который сидит под деревом, неподвижно уставившись в одну точку, не торопитесь думать, что он сидит просто без цели, – этим людям свойственна глубокая внутренняя жизнь. Один из путешественников,

долго живший в самом сердце Африки, в дремучих лесах Конго, где до сих пор сохранились древнейшие животные, которые во всем мире уже вымерли, встретившись с пигмеями, отметил, что эти люди обладают душевностью, остроумием, умом и у них есть целый ряд высочайших религиозных представлений. Нравственный уровень этих дикарей оказался не только не ниже европейского, а намного выше. Это не значит, что примитивный человек непременно добродетелен, тут нет прямой связи. Но низкая цивилизация, первобытный образ жизни не мешают развитию очень тонкой душевной структуры.

В конце концов многие ученые стали приходить к выводу о важности духовного элемента, лежащего в основе этих культур, которые донесли до нас абрис, хотя и неточный, того, как жили наши предки многие тысячелетия тому назад. И если этот абрис хотя бы частично верен, мы должны признать: да, высшее, духовное, священное, религиозное, нравственное было основополагающим в их жизни.

Здесь мы подходим к очень важной вещи. Возьмем, к примеру, причудливый индийский храм, индуистский или буддийский, ступу или мусульманскую мечеть с ее строгими формами, собор ев. Петра, храмы Христа

Спасителя, Покрова на Нерли, египетские пирамиды, проект Дворца Советов, словом, любое произведение архитектуры или живописи, церковное или светское: каждое из этих сооружений есть внешнее воплощение того видения, которое есть у людей, того, как они интуитивно осознают сущность бытия, воплощение их веры в широком смысле слова. И если египтянин ощущал жизнь духа как вечность, то и произведения египетского искусства были воплощением вечности. Если древний грек чувствовал, что здесь, рядом с ним, в его небольшом укромном мирке обитают какие-то живые силы мироздания, он изображал их так по-человечески, так близко, что нимфы, сатиры и боги выглядели его братьями и сестрами.

Храм Христа Спасителя

Когда мы говорим о началах любой культуры, мы должны прежде всего задать себе вопрос не о том, какие материальные формы ее куют, а о том, какой дух лежит в ее основе. И пробегая мысленным взором историю цивилизации, мы всегда можем точно определить, какой дух стоит за культурой. Более того, мы знаем, что когда в духовной сфере у человека начинается дестабилизация, разброд, кризис, то дестабилизация охватывает всю культуру. Вот поэтому мы с вами сегодня хотим заглянуть в историю духовности, в прошлое цивилизации нашей страны и всего мира не из праздного любопытства («а как это было раньше?»), а для того чтобы понять глубинную и нерасторжимую связь культуры и веры, ту связь, которая была забыта, отброшена, которая сознательно отрицалась. Жизнь, практика подтвердили старую истину: когда подрываются корни, засыхает и дерево, и для оживления корней необходимо

понять: в чем они нуждаются? Они нуждаются в живительной влаге и почве. Почва – это жизнь, земное бытие; живительная влага – это дух, который ее питает. Вот почему так важно для нас сегодня задуматься над тем, откуда и к чему идет человек.

Разумеется, в учебниках, которые вам приходилось читать, вы часто встречали мысль, что первобытный человек был атеистом, или, как нас учили, стихийным материалистом. Довольно трудно принять эту точку зрения уже хотя бы потому, что если от язычника может остаться идол, от фетишиста – фетиш, от христианина – крест или еще какой-нибудь священный знак, то какой материальный знак может оставить после себя стихийный материализм первобытного человека? Это что-то вроде того беспроводного телеграфа, который, как рассказывается в одной истории, был у древних людей: беспроводный, потому что в земле не нашли проволоки.

Многочисленные факты полностью опровергают эту точку зрения. Я начал с того, что уже предшественник человека, неандерталец, имел какое-то смутное (не будем пытаться его точно определить) ощущение, что есть какое-то иное бытие. А как только человек становится человеком, он сразу же обретает связь с Вечным, то есть у него появляется религия. Фактически искусство, религия и человек – ровесники. Правда, в некоторых учебниках я встречал такое утверждение, что человек много миллионов лет существовал без религии. У нас был один историк, который даже написал на эту тему несколько книг, одна из которых так и называлась – «Дорелигиозная эпоха». Но он рассматривал в основном австралопитеков и питекантропов, которых вообще нельзя считать людьми в настоящем смысле слова. Биологически они, может быть, и принадлежали к роду *homo*, но этого недостаточно, чтобы быть человеком.

Какое же движение мы можем здесь увидеть? Человек всегда стоял на какой-то духовной платформе. А есть ли развитие? Нет. И вот доказательство. В пещерах Испании найдены рисунки красками: первобытный художник эпохи палеолита нарисовал на стенах стоящих и бегущих бизонов, мамонтов, носорогов. Смелые линии, замечательные краски, дух зверя. Не всякий современный мастер сумеет передать образ животного так лаконично, так вдохновенно, так прекрасно.

Тогда спрашивается: развивалось ли искусство? Нет. Прекрасное в истории человеческой культуры всегда было прекрасным. Да, оно имело историю, то есть были различные фазы, различные типы искусства, духовности, но развития в том смысле, что искусство сначала было примитивным, а потом поднималось все выше и выше, не было. Если вы вспомните классические скульптуры Древней Греции (они воспроизведены в любом школьном учебнике), не надо думать, что вот они достигли какой-то высоты, а предшествующее искусство было низким. Любой современный художник или искусствовед скажет вам, что в архаическом греческом искусстве была своя особенная красота.

В конце XIX в. писатель и историк искусства Петр Гнедич в своей огромной трехтомной «Истории искусств с древнейших времен» посвятил древнерусской иконописи две страницы, заметив, что древние просто не умели рисовать и поэтому они так писали свои иконы, а потом узнали анатомию и стали писать правильно. Сегодня мы знаем, что это наивный взгляд. Переход к реалистическому искусству вовсе не был прогрессом; это лишь одна из фаз истории. История – это судьба человеческого творчества. В духовном мире, безусловно, есть восхождение, но оно совершается по совсем иным законам, и об этом мы с вами будем говорить в процессе анализа духовной жизни человечества.

Но к этому надо добавить следующее: мы привыкли рассматривать материальные явления и процессы как подлинную реальность, дескать, это и есть реализм. Но откуда мы узнаем о материальной реальности? Из опыта своих чувств. Но ведь те же чувства, которые есть у нас, есть и у шимпанзе, и у собаки. Однако у человека иное восприятие; есть нечто, что поднимает нас над животным миром. Человек – существо духовное, существо, способное иметь иной опыт, нежели опыт чувственный. Этот духовный дар, полученный человеком, является

самым драгоценным и самым священным. Это дар бессмертный. И он требует к себе особенного отношения, потому что он в человека посеян, подобно семени, и из этого семени что-то должно вырасти.

Я говорил о примитивных формах пред-человеческих существ. Дело в том, что мы ведь родственники не только им, мы кровные родственники любому живому существу на земле, мы связаны со всеми существами. Как устроена клетка человека? Так же, как клетка любого растения, любого животного. Поэтому мы неотделимы от окружающего нас мира, нас нельзя выкинуть из этого мира – нас всех связывают воздух, пища, вода, гравитация. Я недавно был в Звездном городке, беседовал с космонавтами, и они показывали мне скафандр, в котором выходят в космос. Это совершенно автономное образование, как и космический корабль. Но почему? Потому что человек всеми своими узлами привязан к окружающему миру. Человек есть земля. Библия говорит о нем: ты, человек, есть земля и в землю отыдеши. Плоть человека создана по слову Божию из праха земного, то есть из пыли, из самой материи, из вещества, и мы несем этот прах в себе и возвращаемся в него.

Но человек не только прах. Он родственен и другому измерению бытия, которое нельзя увидеть, и это очень важный момент.

Давайте начнем с простого. Те, кто хочет ограничить мир видимым, оказываются в странном положении наблюдателя, который, заманив в рентгеновский кабинет, скажем, великого художника или великого мыслителя, говорит: да ничего в нем такого нет, посмотрите – позвоночник виден, череп виден, сердце бьется. Где же его гениальность, где его мысль, где его чувства? Да, все видно насквозь, но не видно главного, и не может быть увидено в принципе. Дело не в том, что это какое-то физическое поле (у нас любят злоупотреблять этим термином), которое якобы не улавливают наши приборы. Нет. Надо просто признать, что так устроена реальность: у нее два аспекта – видимый и невидимый. Поэтому в первом же члене нашего христианского Символа веры сказано о Творце всего видимого и невидимого, то есть двух аспектов бытия. На этом все стоит.

Эти два аспекта связаны между собой очень своеобразно, парадоксально; между ними существует обратная связь. То есть, скажем, тяжелое состояние организма может подавлять психику, а она влияет на состояние духа; и, напротив, дух может совершать необычайные вещи. Наверное, многие из вас слышали о хождении по огню, о произвольном управлении своими органами, которого достигают йоги. Я думаю, что умножать примеры здесь не надо. Когда видишь вещи, связанные с гипнозом (а ведь гипноз тоже загадка, потому что слово само по себе ничего не объясняет, и на самом деле это остается загадкой и для пациента, и для гипнотизера), то понимаешь, на что способна эта невидимая часть человека – его дух, какие в нем заложены огромные силы и возможности.

Человек – образ и подобие природы. Клетки цветка, как я уже говорил, такие же, как наши: у них такая же структура, там есть ядро, протоплазма. Но чьим образом и подобием является духовное измерение человека?

Для нас, христиан, как и для всех верующих людей на земле, которых всегда было и остается большинство, человек в своем духовном измерении является образом и подобием Творца. И в этом трагичность, парадоксальность, величие и счастье человека. Известный биолог и медик нашего времени Алексис Карель так и назвал свою книгу: «Человек – это неизвестность». В самом деле, еще Альфред Расселл Уоллес, одновременно с Дарвином создавший теорию естественного отбора, задавался вопросом: ну хорошо, человеку нужны определенные свойства для того, чтобы он выжил, скажем, чтобы у него была более благоприятная семейная ситуация, где побеждает сильнейший. А для чего ему нужна потребность в отвлеченном мышлении, для чего ему нужен поиск смысла жизни, бескорыстный поиск истины, почему в человеке главное оказывается сверхприродным? И Уоллес отвечал: причина здесь может быть только одна – эти свойства коренятся в ином, сверхприродном начале, эти свойства особен-

ные. Забвение этого факта, пренебрежение им очень тяжело сказывается на человеческом роде. Периоды скептицизма и бездуховности всегда были опасны.

Я хочу закончить важнейшей для нас проблемой истоков духовности, проблемой, которая сегодня вопиет, – я имею в виду проблему нравственности. Вы, наверное, читали книгу Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей», но я напомним: разговаривают главный герой и молодая следовательница. Когда он спрашивает: почему у вас такие методы, почему вы так относитесь к людям? – она ему отвечает: да чему вас там учили на факультете?

Законность, право, гуманность – это все факультет ненужных вещей. Эта молодая, уверенная в себе женщина повторяла чужие слова, повторяла слова, которые были свойственны целому поколению: ненужные все это вещи. А потом оказывается, что они – самые-самые нужные, потому что без них человек гибнет. Недавно я прочел, что Генрих Ягода перед смертью сказал: «Я столько людей уничтожил и мучил, теперь и на меня нашлась управа. Значит, Бог есть».

Очень жаль, что мы приходим к этим мыслям лишь в критических ситуациях, но лучше поздно, чем никогда. Вопрос заключается в следующем: существует ли нравственный миропорядок, является ли добро чем-то объективным или это нечто выдуманное людьми, некая условная категория? Если это условная категория, то тогда ее очень легко отбросить и каждому установить свои собственные критерии, исходить из модели эгоцентрика: добро есть то, что нравится мне; зло есть то, что мне не нравится. Как в известной истории про миссионера, который пытался втолковать язычнику, что такое добро и зло, а потом спросил его: «Вот если у тебя украли корову, это зло? – Да, это зло. – Ну, а если ты украд корову? – Тогда это добро». Мы все стоим на этой позиции, потому что эгоцентризм свойственен человеку. Вы скажете: откуда же он? Почему человек эгоцентричен? Во-первых, мы все родом из детства. Человек в детстве все время получает, все время потребляет: его кормят, поят, баюкают, одевают, и потом он думает, что так должно быть всегда. Это одна из причин. Есть вторая причина, эту причину мы называем первородным грехом человечества. Когда-то Жан Жак Руссо говорил, что Бог создал человека прекрасным, но его испортила цивилизация, его испортили внешние условия. И мы всегда склонны немножко этому верить. Лев Толстой носил на груди вместо креста портрет Жана Жака Руссо. Он до конца своих дней верил в то, что человек от природы добр.

Собор в Реймсе. Западный фасад

Но, положив руку на сердце, так ли это? Евгений Евтушенко, человек во многом благородный, который в трудные годы выступал смело, в одном из стихотворений написал: «Я верю в человека». И там же он разносит всех тиранов, диктаторов, Салазара, Берию. Но ведь они тоже были людьми. В кого же надо верить? Почему мы должны верить в хорошее, а не в плохое?

Я могу понять угрызения совести у Ивана Грозного. Он был человеком, воспитанным в христианских понятиях, и знал, что проливать кровь невинного – грех; он ее проливал, потом каялся, опять проливал, но у него были некие терзания. А какие терзания могли быть, скажем, у Сталина? Он считал, что люди – это просто быдло, так сказать, кратковременные существа, которых убить ничего не стоит. Греха нет, зла как такового нет. Для него, как для того дикаря, злом было только то, что мешало ему устанавливать свою абсолютную власть над людьми, а все остальное было глупостью, никаких преград не существовало.

Добро и зло – категории объективные, и следовать принципам добра есть воля и заповедь Творца. И именно потому что это заповедь, мы чувствуем, что это не так легко дается. Нам же не дана заповедь, скажем, ходить на двух ногах – для нас это естественно. А когда Евангелие говорит о том, что мы должны прощать, – это уже заповедь, это значит, что надо бороться, преодолевать себя, потому что для человека это не так естественно.

Но если заповеди даются свыше, то почему же человек их нарушает? Человек нарушил заповедь изначально. Я думаю, вы все помните историю первых людей, которая описана в Библии. Над этой историей достаточно посмеялись, достаточно поглумились, достаточно порисовали карикатур, но забыли главное – о чем в свое время прекрасно говорил протопоп Авва-кум: «То, что было тогда, делается и теперь». Он рассказывал в одной из своих проповедей об Адаме и Еве и потом перенес эту драму на современные ему события.

Библия образно, иконописно говорит нам о вечном. Человек стоит перед Богом, и ему открывается все, перед ним распахнуты огромные горизонты, ему дана природа, чтобы он мог (как говорится в Библии) «возделывать и хранить ее». Это означает труд и понимание природы как какого-то братского начала: ведь человек создан из той же земли, что и зверь, звери – его братья и сестры, он их господин, но не тиран, он дает им имена. И есть только одно древо в центре рая, в центре Эдема, которое запрещено для человека, – это древо познания добра и зла. Бог сказал человеку: «Ты умрешь, если вкусишь от него». Конечно, нас может удивить, почему же человек не должен знать добра и зла, ведь как раз в этом и заключается нравственность. Но дело в том, что такое прочтение поверхностно. Библию надо читать очень внимательно, сравнивая различные места. Добро и зло в этом контексте не означают нравственных понятий, это полюса жизни: худое и доброе, полезное и вредное, как у китайцев *инь*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.